

Дорогая редакция! Внимательно и с интересом читаю в эти дни статьи, посвященные ленинской теме, произведения, рассказывающие о жизни вождя. Я люблю творчество Горького, недавно перечитывал очерк о Ленине. Какое замечательное произведение, с какой любовью говорит Горький о Ленине. И радостно, что была такая дружба на свете.

Не могла бы газета рассказать об этой удивительной дружбе, о том, как создавал Горький свое произведение о вожде, на мой взгляд, лучшее из всего того, что написано о Ленине.

В. МАТАСОВ,
рабочий.

Москва.

ОЧЕРК Максима Горького «В. И. Ленин» — действительно одно из лучших произведений советской литературы. Самое удивительное вот что. В этом рассказе о пережитом, о встречах с Лениным события не ощущаются только в прошедшем времени.

События, сквозь которые и в которых Горький видит Ленина, словно выдвигаются вперед. Они живут, творятся на наших глазах, и часто кажется, что сейчас только происходят или будут происходить. С годами такое ощущение только усиливается. Это потому, что сейчас нам легче почувствовать ленинские мечты как реальность, историю, как бег реки — грозной, неустрашимой, а самого Ленина — человеком будущего, каким видел и писал его Горький.

«Тревога — богаче покоя», — говорил писатель. «Вперед и выше» — это не было только

В. И. Ленин и А. М. Горький. Петроград. 1920 г.

МЕЧТА И ДЕЛО

К истокам ленинской темы

звучным, громким афоризмом, а целью, характером его жизни, человека и художника. Даже в годы сумерек и рефлексии, когда сама мечта о лучшем будущем казалась «безумством храбрых», он не устал говорить о своей верности героическому в жизни. Видел он Время как путь огней, уходящих вдаль. А человек идет, «и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, — он движется все — выше! и — вперед! звездой путеводной для земли»...

В очерке Горький не столько рассказывает, сколько воссоздает образ Ленина — из крупных глыб-событий, словами густой яркости, — горестно и радостно, тревожно и вдохновенно. В то же время он строг, сдержан, четко настроен на главное.

Писатель следует правилу, им же самим открытому: художественный образ тем более осязаем и ярок, чем меньше на него затрачено слов. Но еще важнее: ничего не забыть, не упустить. На этом ведущем душевном аккорде звучит интонация памяти. Она человечна, революционна, исполнена прямого и честного восхищения жизнью — делом Ленина.

Горький пишет повесть о лучшем друге и самом близком человеке: «Писал и обливался слезами. Так я не горевал даже о Толстом. И сейчас вот — пишу, а рука дрожит». «Прощай, друг! М. Горький» — было написано на одном из венков в памятные дни прощания с Лениным в морской Москве.

ПИСАТЕЛЬ рассказывает только о том, что лично знает. Но этого знания — на целые книги. Н. К. Крупская писала, что Горький как раз и был тем человеком, с которым «Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо». Это в прямом смысле увиденная правда. Правда деловых и дружеских разговоров, споров и радостного согласия с Лениным. Но это и явление литературы. Каждый факт — видимая, искусная деталь, художественно выточенная мастером. Правда поет и светится в горьковских словах. Вслушайтесь, с какой веселой радостью говорит писатель об энергии ленинского характера:

«Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, бле-

стят в воздухе. Речь его всегда вызвала физическое ощущение неотразимой правды».

А это — развернутая картина, рисующая Ленина — вождя, рулевого истории:

«Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горького, — до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит приемами товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова».

Горький в этом очерке не только художник, но и философ, политик.

Писатель скромнен и тактичен: он ни слова не говорит о своей большой — во много лет — переписке с Лениным. Приводится всего лишь одно ленинское письмо, да и то для того только, чтобы показать, как был заботлив Ленин, какой безмерной его была любовь к людям. Будь Горький человеком меньшего нравственного масштаба, он наверняка упомянул бы свое первое письмо к Ленину в 1905 году, в котором он уже в то время назвал Ленина главой партии.

А еще раньше, до личного знакомства Горького с Лениным, Р. С. Землячка, сообщая 26 декабря 1904 года Ленину и Крупской о своих беседах с Горьким, писала:

«Он окончательно перешел к нам... Он заявил мне, что относится к нему (Ленину. — И. Ж.), как к единственному политическому вождю».

Именно в этом произведении писатель не ищет, а создает истину о личности социалистической эпохи — Человеке с большой буквы. Он долго и упорно шел к этой истине. Открыто и восторженно сказал о своей любви к ней в поэме «Человек», утвердил с большевистской смелостью, когда рассказывал всему миру героическую историю Павла Власова и его матери Ивановны, он украшал, расцвечивал свою истину-мечту «Сказками об Италии», которые так восхитили и обрадовали Владимира Ильича. Ленин назвал эту мечту автора «Сказок» о человеческом мужестве, свободе и совершенстве «революционной прокламацией», до-

стойной того, чтобы ее из номера в номер печатала боевая пролетарская газета.

ОТКРОЕМ третий том «Летописи жизни и творчества А. М. Горького». Нескольких страничек очень скупо фиксируют жизнь писателя в январе — марте двадцать четвертого года. Вчитываясь в них, чувствуешь, как глубоко было горе писателя. Кажется, вся земля гудит и бьется океаном горя. Крутая волна, достигнув предельной высоты и взлета, рушится. Ветер упал. Слова в письмах движутся неровными, горестными рядами, возвращаясь к одной и той же мелодии. После он напишет: «Никогда не чувствовал себя так сиротски, таким бессильным, как в год его смерти».

Выпишу несколько строк из разных писем января — марта двадцать четвертого года, чтобы представить всю глубину переживаний Горького.

О двадцатилетней дружбе с Лениным. Да, у него, Горького, были колебания и сомнения. Но они никогда не изменяли отношения к Ленину. Дружба оттачивалась, закалялась, становясь братским единством в судьбе, мыслях, устремлениях:

«Я его любил и — люблю. Говорил с ним резко, не щадя его. С ним можно было говорить так, как ни с кем иным, — он понимал то, что лежит за нашими словами, каковы бы они ни были».

О Ленине — диалектике, революционном практике, для которого высшая цель жизни — счастье трудового человека:

«Я знаю, что он любил людей, а не идеи, вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали интересы народа».

Один из адресатов, наверняка, стал вопрошать, а оценивал ли Горький Ленина при жизни столь же высоко, как после смерти?

Горький отвечает словами, накаленными до гнева и полными достоинства:

«Разве Вы не знали, что я и раньше говорил, писал о Ленине, как о величайшем человеке мира? Я имел основания говорить так, потому что давно и хорошо знал его». Указывая, что адресат плохо знает русскую действительность и особенно послеоктябрьскую, он пишет: «Россия является уже теперь страной, которая работает на весь мир, а силу к этой работе разбудил в ней именно Ленин»...

СУЩЕСТВУЕТ две редакции очерка. Горький остался недоволен первым вариантом, написанным сразу после смерти Ленина. Объяснил это тем, что пошел за своим личным горем, осталось много несказанных слов и, как он заметит, досадных пробелов.

Он прав: первый вариант — отчаянное самовыражение души, трагическая страница из писательского дневника. Хотя уже и здесь есть известные теперь каждому суждения Ленина о Толстом-художнике, слова старого рыбака о Ленине: «Так смеяться может только честный человек» мнение сормовского рабочего о вожде, ставшее афоризмом: «Прост, как правда» и многое другое. Но то, что дополнил Горький в тридцатом году, дорого и необходимо: более полно рассказано о V съезде партии, о Ленине — борце и трибуна, о личных встречах с Лениным на Капри и в Париже и так далее.

В окончательной редакции очерка звучит сильно, во весь голос оптимизм дела Ленина, сквозит воздух строек и преобразований, писатель создает разносторонний, гармоничный портрет вождя и человека, наполовину души своей обращенного к будущему. Надежда Константиновна, прочитав переработанный очерк, написала Горькому с благодарностью: «Правда все... Живой весь Ильич».

Но это не значит, что Горький переписал все заново. Многие страницы первого варианта вошли в новый очерк почти без изменений, влились органически в более широкий поток.

Укажу лишь на два суждения, которые Горький считал необходимым снять в окончательной редакции.

Первое. Горький размышляет о величии личности Ленина. Для убедительности он ищет исторические параллели, находит их и пишет: «И был он насквозь русский человек с «хитрецей» Василия Шуйского, с железной волей протопона Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого». Сравнение интересное и, наверное, правомерное. Всех названных исторических деятелей писатель до конца жизни оценивал по достоинству. И все-таки Горький снимает эти слова. Почему?

Думаю, суть вот в чем. В течение многих лет зорко, внимательно вглядываясь в созидание нового мира, писатель увидел социальную и нравственную неповторимость ленинского дела, почувствовал, что его сравнение не совсем точно, и в новой работе над очерком делает решительный акцент на том, что Ленин по духу, по характеру — новый человек и дело, которое он вызвал к жизни, невиданное в общечеловеческой истории. Эту мысль провел Горький и в своих очерках «По Союзу Советов».

Еще одно суждение Горького, не вошедшее в окончательный текст, наверное, только потому, что прерывало новый сюжет. Эта мысль так хороша, что ее следует выписать, ибо она еще раз говорит о главном в характере писателя, для которого мечта была третьей действительностью, а народная вера в социальную справедливость — глубоким, внутренним убеждением: «В конце концов побеждает все-таки честное и правдивое, созданное человеком, побеждает то, без чего нет человека».

Лучшие советские писатели сделали оптимизм мировоззрения Горького творческой традицией, создавая образ нового советского человека.

«В Горьком мы видели какие-то кусочки самих себя... — писал А. С. Макаренко, — может быть, даже бессознательно мы видели в нем прорыв нашего брата в ... большую культуру. За ним нужно было броситься всем, чтобы закрепить и расширить победу». Не только писатели, но и ученые, учителя и школьники находят в произведениях Горького образцы того, как надо писать, говорить, думать, учиться понимать, что и кто окружает нас, и как видеть далеко вперед.

В КОНЦЕ этого очерка хочу привести горьковские слова, завершающие его рассказ о Ленине. Они остаются истинным и точным выражением творческого духа нашего времени — общества развитого социализма:

«Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал».

И. ЖУКОВ.